

О характере синтаксической полисемии

On the nature of syntactic polysemy

Григорьян Е. Л. (elena_grigorian@yahoo.co.uk)

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

На материале некоторых диатезных преобразований отмечается, что большинство структур могут использоваться для выражения различных смыслов и что диатезы, противопоставляемые в одних контекстах, могут не нести никаких семантических различий в других и различаться на уровне прагматики.

Сопоставление употребления конструкций, реализующих различные диатезы одного глагола и описывающих идентичные или сходные денотативные ситуации, позволяет сделать ряд наблюдений, проливающих свет на особенности собственно синтаксической семантики. Во-первых, большинство структур могут использоваться для выражения различных смыслов, и с каждой из них связан ряд семантических признаков, не обязательно присутствующих в каждом конкретном употреблении. Любой из них может быть достаточным основанием для выбора соответствующей конструкции. Во-вторых, нередко структуры, соотносящиеся как диатезные преобразования, оказываются равнозначными и могут быть взаимозаменяемы в одном контексте без всякого ущерба для содержания.

Иначе говоря, при противопоставлении исследуемых структур мы сталкиваемся, с одной стороны, с явным контрастом, подчёркиванием дифференциального признака, а с другой стороны, встречаются употребления, в которых соответствующий признак отсутствует.

Далее это будет показано на примере (1) пассивных конструкций в противопоставлении некоторым другим диатезам; (2) безличных конструкций в сопоставлении с личными; (3) производных диатез действительного залога, в которых подлежащим является не агенс, а средство или актанты сходной ролевой семантики, в сопоставлении с агентивной конструкцией. Для соответствия регламенту доклада мы вынуждены в разделе 1.3 ограничиться английским языковым материалом, а в разделе 3 — русским, хотя упомянутые языки в исследуемых аспектах полностью аналогичны.

1.1. В английском языке пассивные конструкции могут быть в некоторых отношениях сближены с конструкциями с симметричными глаголами (т.е. глаголами, которые не меняют своей формы, если подлежащим является объект действия) в непереходном употреблении. Последние соотносятся с переходными конструкциями тех же глаголов так же, как пассив соотносится с активом (*The boy broke the window — The window broke*), и второй случай (иногда называемый в грамматиках «немаркированный пассив») в некоторых контекстах заменим обычным пассивом, т.е. возможна нейтрализация различий; вместе с тем во многих контекстах значения этих форм расходятся и могут даже противопоставляться. Так, в примере (1), где описываются действия таможенников, и в контрпримере неравнозначность очевидна:

(1) *At Kermanshah the machine came down for passport examinations and customs. A bag of Mr. Parker Pyne's was opened. A certain small cardboard box was scrutinized with some excitement. Questions were asked...* (A. Christie).

Ср. *A bag opened*, что описывало бы спонтанное происшествие.

(2) *Submarines in the Channel. A merchant ship had been sunk that morning* (Aldington).

Ср. *a merchant ship had sunk*, что совместимо с описываемой ситуацией, но не предполагает внешнего воздействия и может описывать и такое событие, когда судно никто не топил.

- (3) *Scotland has large monuments to two women martyrs drowned for their faith, in spite of the fact that they weren't drowned at all and neither was a martyr anyway* (J. Tey).

В примерах (1) — (3) наглядно выступает дифференциальный признак «**внешнее воздействие vs самопроизвольность (автономность)**».

В то же время мы сталкиваемся с полной равнозначностью тех же единиц и конструкций в других контекстах:

- (4) *He has just fallen into the well and been drowned* (G.B. Shaw).

- (5) *The boat capsized and over 20 passengers were drowned* (Пример из [Huddleston, Pullum 2002: 1466]).

Характерно, что в подобных примерах практически без изменения смысла форма пассива может быть заменена личной формой соответствующего симметричного глагола (*over 20 passengers drowned*), при этом они не могут быть преобразованы в актив и, разумеется, в них невозможно агентивное дополнение. Ср. пример (3) с собственным значением пассива (и с тем же глаголом).

1.2. Кроме того, пассив нередко противопоставляется рефлексивам, прежде всего собственно-возвратному значению. Характерен следующий пример из русского языка, где пассив и рефлексив явно противопоставлены:

- (6) *Федор. Князь Шуйский удавился? Иван Петрович? Лжешь! Не удавился — Удавлен он! Ты удавил его! ...Убийца! Зверь!* (А. К. Толстой).

Ср. также английские примеры, где пассив противопоставлен рефлексиву и подчеркивается дифференциальная сема 'д р у г и м и':

- (7) *Cromwell. Then know that the King commands me to charge you in his name with great ingratitude! And to tell you that there was nor never could be so villainous a servant nor so traitorous a subject as yourself.*

More. So I am brought here at last.

Cromwell. Brought? You brought yourself to where you stand now!

More. Still, in another sense, I was brought (R. Bolt).

- (8) *Without realizing it she judged people as much by standards of Walter Scott and Jane Austen as by empirically arrived at; seeing those around her as fictional characters and making poetic judgements of them. But alas what she had thus taught herself had been very largely vitiated by what she had been taught* (J. Fowles).

Однако наряду с этим встречаются употребления, которые не предполагают обязательного несовпадения деятеля с пациенсом: в следующих примерах состояние человека или его положение в пространстве является результатом его собственных действий, а не воздействия извне, как в приведенных выше примерах.

- (9) *И одет он был проще, чем всегда одевался* (М. Горький).

- (10) *The host was turned towards her with an anticipatory smile* (Maugham).

Примечательно, что в этом отношении не все глаголы одинаковы — и, по-видимому, не все языки. О человеке, который причесался (умылся, оделся), можно сказать, что он причесан (умыт, одет) и т. д., но о самоубийце нельзя сказать он убит (*отравлен, повешен, застрелен*). Эти различия, возможно, связаны с глаголами как лексическими единицами: так, например, он *отравлен* также не может значить он *отравился* в смысле «съел что-то ядовитое или недоброкачественное», т.е. в данном случае обязательно присутствует значение «в результате действий других»; таким образом, причастия указывают не просто на некоторое положение дел (в том числе возникшее в результате какого-либо действия), но и на само действие. Примечательно, что английский язык в этом отношении проявляет некоторые отличия от русского: ср. примеры (4) и (5).

1.3. Внутри пассива также часто противопоставляются собственно пассив (акциональный пассив), статив и результатив, причём последние два случая иногда расцениваются не как разновидности пассива, а как самостоятельные залогии [Буланин 1978]. Действительно, семантическое различие отражается и в ряде формальных различий: несомпадении значений видо-временных форм, совместимости с различными модификаторами и т.д. В английском и французском языках эти два значения могут дифференцироваться видо-временными формами, ср.:

- (11) *The cotton which half-filled the bed of the pickup truck had been covered for the night with tarpaulin, so he didn't even need the quilt* (Faulkner).

В первом случае указывается на наличное состояние, синхронное времени восприятия персонажа, во втором — на предшествующее действие, которое восстанавливается на основе наблюдаемого результата: поверх хлопка был брезент¹.

¹ Формы Past Perfect Passive могут указывать не только на предшествующее действие, но и на предшествующее состояние, ср. (12) *The jug had evidently been once filled with water, as it was covered inside with green mould* (Wilde).

Примечательно, однако, что в подобных случаях формы могут быть взаимозаменяемы при указании на одну и ту же денотативную ситуацию:

(13) *The paper had the appearance of a rough map. By much folding it **was creased and worn** to the pitch of separation, and the second man held the discoloured fragments together where they **had parted*** (Wells).

Стоит отметить последнюю форму *had parted*: в том же контексте при сохранении содержания могло быть *parted*, хотя способ показа был бы другой.

Состояние, совпадающее с временным планом текста, может описываться с указанием на некоторые характеристики предшествующего действия, что довольно часто встречается в пассивных конструкциях:

(14) *The paper had the appearance of a rough map. By much folding it **was creased and worn** to the pitch of separation...* (Wells).

Описывается внешний вид карты на момент повествования.

(15) *I know where it **is hidden**, and for what purpose* (Wilde).

В последнем примере *is hidden* указывает на местонахождение, т.е. на статическое положение, актуальное в момент речи (иначе было бы *was hidden*), тогда как упомянутая далее цель относится к предшествующему действию.

Таким образом, аналогично рассмотренным выше случаям, пассив и статив могут как противопоставляться, так и совмещаться или не дифференцироваться, т.е. могут допускаться оба прочтения без изменения смысла в одном и том же выражении.

2. Безличные предложения, в отличие от сопоставимых с ними личных структур, представляют ситуацию как результат стихийного процесса или как «перцептивное происшествие» (термин заимствован из работы [Розина 2000]) и подчёркивают пациентивное значение (*affectedness*) соответствующего актанта, причём собственная семантика конструкции ярче всего проявляется в нестандартных употреблениях, ср.:

(16) *С тобой **нас** нынче **затесало** В толпу **глазеющих** зевак* (А. Блок).

В отличие от стандартного *мы затесались*, употребление безличной конструкции указывает на неконтролируемый характер ситуации: она возникла не по воле людей, которые оказались в толпе, а сложилась стихийно.

С другой стороны, семантика безличных конструкций этого типа предполагает перцептивную составляющую; ср. эпизод из романа М. Булгакова «Роковые яйца», в котором описывается нашествие гигантских рептилий:

(17) *Но огромная пружина, оливковая и гибкая, сзади, выскочив из овального окна, перескользнула двор, заняв его весь пятисажженным телом, и во мгновение обвила ноги Щукина. **Его швырнуло** вниз на землю, и блестящий револьвер отпрыгнул в сторону* (Булгаков).

Описывается ощущение Щукина: хотя упоминается тварь, которая его швырнула, показано не её действие, а то, что случилось с персонажем.

Однако встречаются примеры, в которых личная и соответствующая безличная конструкция полностью равнозначны в плане семантики и различаются только на уровне коммуникативной структуры:

(18) *Три года назад **во время сильной бури вывернуло** с корнем высокую старую сосну, отчего и образовалась эта яма* (Чехов).

Ср. *сильная буря вывернула с корнем сосну*, где буря получила бы больший коммуникативный вес, чем в приведенном примере.

Понижение коммуникативного статуса актанта, обозначающего действующую силу, причину, связано с тем, что внимание сосредоточено в первую очередь на самом процессе, зрительном или ином ощущении наблюдателя, ср.

(19) *Запирая за охотником дверь, лесник видел, как лужи на просеке, ближайšie сосны и удаляющаяся фигура гостя **осветило молнией*** (Чехов).

Ср. *осветила молния*.

В последнем случае молния явно привлекает большее внимание, нежели приведенном примере, где *осветило молнией* представляет собой нерасчлененную рему; связь такого способа изображения с восприятием подтверждается словами *видел, как*.

Вместе с тем встречаются контексты, где личные и безличные конструкции абсолютно равнозначны:

(20) *Перекатывающийся стук покрыл лестницу, и в ответ ему, как оглушительная зингеровская швейка, завыл и затряс всё здание пулемёт. Стёкла и рамы **вырезало** в верхней части, как ножом, и тучей пудры понеслась штукатурка по всей бильярдной* (Булгаков).

(21) *Вслед за ними выскочил Коротков и очень вовремя, потому что **пулемёт** взял ниже и **вырезал** всю нижнюю часть рамы* (Булгаков).

Варьирование конструкций связано, по-видимому, с требованиями формальной связности текста и стремлением разнообразить синтаксис.

3. Аналогичную картину представляют производные диатезы действительного залога, в которых подлежащим является не агенс, а средство (орудие и актанты сходной ролевой семантики). Структуры такого типа, во-первых, широко используются в художественной литературе как чисто изобразительный прием, что может определяться восприятием наблюдателя (рассказчика или персонажа): часто устраняется партиципant, не входящий в поле его зрения.

(22) *Через полчаса зверь высунул из травы мокрый черный нос, похожий на свиной пяточок. Нос долго нюхал воздух и дрожал от жадности* (Паустовский).

В поле зрения наблюдателей попадает только нос, в то время как сам обладатель носа не виден в траве. Ср.: *Зверь нюхал воздух...*

(23) *Далеко за лесом играла свирель возвращавшегося пастуха* (Чехов).

Такое предложение вряд ли применимо для ситуации, когда пастух виден. Ср. возможное для описания обеих ситуаций: *играл на свирели пастух*.

(24) *Ему удалось очень плотно и ладно ударить куда-то, — куда — он не видел, — но тотчас множество кулаков, справа, слева, куда ни сунься, продолжало его обрабатывать* (Набоков).

В приведённых примерах дан фрагмент ситуации, видимый, доступный непосредственному ощущению или слуху; описываются не столько события или действия, сколько ощущения: не «что произошло», а «что увидел (услышал, почувствовал)» рассказчик или персонаж, т.е. в большей степени описывается зрительный образ, ощущение или звук, нежели само событие. Действие осмыслено как перцептивное происшествие.

Устраняться из «кадра» может не только невидимое, но и просто не вызывающее внимания наблюдателя. В художественных текстах часто устраняется участник ситуации, не попадающий в фокус внимания наблюдателя, хотя и видимый ему. При этом в позиции подлежащего находится элемент, привлекающий внимание; часто это подвижный элемент [Апресян 1970], кроме того, пример (25) отражает широко отмечаемую в психолингвистической литературе тенденцию к совпадению подлежащего с наиболее ярким, внешне заметным ситуацией [Osgood, Bock 1975], [MacWhinney 1977]:

(25) *Макар ясно видел острые уши лисицы; ее пушистый хвост вилял из стороны в сторону, как будто заманивая Макара в чашу* (Короленко).

Вне подобного контекста едва ли возможно *хвост лисицы вилял*; но в связи с отмеченной особенностью нейтральный вариант *лисица виляла хвостом* мало подходит для данного контекста.

В подобных употреблениях данная структура уже не указывает на характер денотативной ситуации, а только распределяет актанты в зависимости от их значимости с точки зрения говорящего (рассказчика) или наблюдателя.

Однако аналогичное диатезное преобразование может быть связано со значением ослабленного контроля:

(26) *И тут я сам не заметил, как руки мои открыли ящик, где лежал злополучный роман* (Булгаков).

Ср. ...как я открыл ящик.

(27) *И когда наконец я возвращаюсь к себе в кабинет, моё лицо всё ещё продолжает улыбаться, должно быть, по инерции* (Чехов).

Ср. я всё ещё продолжаю улыбаться.

Между отмеченными значениями просматривается связь: субъект неконтролируемых действий часто находится в фокусе эмпатии и собственное действие представляется как неожиданное для него самого, уподоблено восприятию внешнего события.

Кроме того, в структурах этого типа характерное для подлежащего каузальное значение может приписываться не фактическому каузатору действия, а другому актанту, который, соответственно, оформлен как подлежащее и в связи с этим может приобретать даже оттенок агентивного значения:

(28) *Но как беспощадно-неблагодарно было всё то, что выходило из-под его кисти! Кисть невольно обращалась к затверженным формам, руки складывались на один зауценный манер...* (Гоголь).

Ср. художник невольно обращался...

В то же время встречаются примеры употребления подобных деагентивных конструкций как чисто изобразительного приёма, в каком-то смысле парафраза, метонимии на уровне текста: вместо целой ситуации упоминается её фрагмент.

(29) *Изломанный веер закрывает хорошенькое личико. Писатель подтирает кулаком свою многотумную голову, вздыхает и с видом знатока психолога задумывается* (Чехов).

Ср. Дама закрывает лицо веером.

(30) Работы производятся по команде. Обыватели разом нагибаются и выпрямляются; сверкают лезвия кос, **взмахивают грабли, стучат заступы, сохи бороздят** землю — все по команде (Салтыков-Щедрин).

В таких контекстах этот прием иногда служит созданию визуального образа, но чаще, по видимому, просто позволяет разнообразить синтаксис или, наоборот, создавать параллелизм, служить компрессии текста или поддерживать его связность; в таких случаях употребление той или другой структуры в основном формально.

Е. В. Падучева [Падучева 1994], обращаясь к этому типу диатез, отмечает, что за ними стоит переосмысление типа ситуации; как видно из рассмотренного выше, это действительно часто имеет место, но это не единственная возможная функция данного диатезного преобразования.

Перечисленные значения могут проявляться независимо друг от друга, ни одно из них не обязательно и ни для одного из них не обязательна данная форма выражения. Все эти значения должны быть признаны равноправными: любого из них достаточно для употребления маркированной диатезы. Ограничений на их проявление или тен-

денции к предпочтительному прочтению выявить не удалось.

4. Анализируя частные случаи, мы обнаруживаем, что с одними и теми же структурами могут связываться различные смыслы, причем между ними нет четкой границы и то, что противопоставляется в одних употреблениях, совмещается или остается неопределенным в других. Таким образом, семантика, связываемая с тем или иным типом конструкций, вовсе не обязательно реализуется в каждом конкретном употреблении и для многих контекстов противопоставляемые диатезы оказываются равнозначными, т. е. синтаксические структуры могут и не нести никаких из указанных значений, а служить для аранжировки компонентов в соответствии с коммуникативным заданием или поддерживать формальную связность текста, а могут просто разнообразить синтаксис, помогая избежать монотонности, и формировать ритмическую структуру текста.

На данном этапе исследования не проступает никаких явных закономерностей, предопределяющих, какое из возможных значений реализуется в данном контексте; вопрос о возможностях их выявления и тем более формализации правил следует оставить на дальнейшую перспективу.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Семантические преобразования и синтагматические фильтры // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 14. 1970.
2. Буланин Л. Л. К соотношению пассива и статива в русском языке // Проблемы теории грамматического залога. Л.: 1978.
3. Гаврилова В. И. Краткое причастие на -н/-т как форма стательного вида страдательного залога // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М.: 1998.
4. Князев Ю. П. Результатив, пассив и перфект в русском языке // Типология результативных конструкций. Л.: 1983.
5. Падучева Е. В. Типы каузальных отношений в семантической структуре лексемы // Russian linguistics. 1994. Vol. 18. № 1.
6. Розина Р. И. От происшествий к действиям (Семантическая деривация как способ пополнения общего жаргона) // Русский язык сегодня. 1. М.: 2000.
7. Huddleston R., Pullum G. K. The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge: 2002.
8. MacWhinney B. Starting Points // Language. 1977. Vol. 53. № 1.
9. Osgood C., Bock R. Salience and Sentencing: some production principles // Sentence Production: Developments in Research Theory. 1975.